

Лабутина Т.Л.

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ПОСЛОВ ВЕЛИКОБРИТАНИИ
ПРИ ДВОРЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРАТРИЦЫ
АННЫ ИОАННОВНЫ**

T.L. Labutina

**THE DAILY LIFE OF BRITISH AMBASSADORS AT
THE COURT OF THE RUSSIAN EMPRESS ANNA IOANNOVNA**

Аннотация. Опираясь на анализ дипломатической переписки послов Великобритании при дворе российской императрицы Анны Иоанновны, автор обращается к изучению, помимо профессиональной их деятельности, к условиям их проживания и занятий при дворе (посещение приемов, балов, маскарадов в императорском дворце, участие в светской жизни и различных увеселениях при дворе входило в обязанности всех послов). Данная проблема прежде не была предметом специального изучения, хотя и является актуальной в свете двух новейших направлений в исторической науке — имагологии (которая изучает межкультурные коммуникации между различными странами, а также индивидуумами) и истории повседневности. В статье показаны условия жизни, быта послов, а также их отношение к развлечениям, участию в придворной жизни. Если супруга одного из послов с восхищением описывала придворные балы и наряды гостей, то сами дипломаты чаще демонстрировали критическое восприятие развлекательных мероприятий и обычаев при дворе императрицы. Послы возмущались расточительностью и роскошью двора, а также дорогими нарядами, которые должны были приобретать для участия в увеселениях не только придворные и русская знать, но и они сами. Недовольство дипломатов вызывала также дороговизна проживания в столице, из-за которой им приходилось обращаться за финансовой поддержкой к своему правительству. Можно заключить, что в целом условия жизни послов Великобритании при дворе Анны Иоанновны были вполне удовлетворительными. Тем не менее резиденты чаще всего высказывались критически о своем пребывании в России, а также о русских людях, преимущественно — о принадлежавших к высшим слоям общества. Обращение к истории жизни послов при импе-

Лабутина Татьяна Леонидовна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель Центра истории межкультурных коммуникаций стран Запада и Востока Института всеобщей истории РАН

Labutina Tatyana Leonidovna, Doctor in History, Professor, Chief Research Fellow, Head, Centre for History of Cross-Cultural Communications between the West and the East, Institute of World History, Russian Academy of Sciences

+7-916-149-97-85; tlabutina2007@yandex.ru

раторском дворе, отразившейся в их переписке с госсекретарем, обогащает представления не только об иностранных дипломатах, работавших в России, но также о быте и нравах, царивших при дворе, об эпохе правления императрицы Анны Иоанновны.

Ключевые слова: послы Великобритании, императрица Анна Иоанновна, иностранные дипломаты, посланник Клавдий Рондо, быт и нравы при дворе, условия жизни послов.

Abstract. The author analyses the diplomatic correspondence of the British ambassadors at the court of the Russian Empress Anna Ioannovna and examines, in addition to their professional activities, their living conditions and life at court (attending receptions, balls, masquerades in the imperial palace, participation in social life and various amusements at court was the responsibility of all ambassadors). This issue has not previously been the subject of special study, although it is relevant in the light of two recent trends in historical science — imagology (which explores intercultural communications between different countries, and also individuals) and the history of everyday life. The article discusses the living conditions of the ambassadors, as well as their attitude to entertainment and participation in court life. One of the ambassadors' wives expressed admiration at court balls and the guests' outfits, but the diplomats themselves more often demonstrated a critical perception of entertainment events and practices at the court of the Empress. The ambassadors were indignant at the extravagance and luxury of the court, as well as at the expensive outfits that were necessary for the participation in the courtly pastimes for the courtiers, the Russian noblemen, and themselves as well. Diplomats were also dissatisfied with the high cost of living in the capital, which made them turn to their government for financial support. It can be concluded that, in general, the living conditions of the British ambassadors at the court of Anna Ioannovna were quite satisfactory. Nevertheless, residents most often spoke critically about their stay in Russia, as well as about Russian people, mainly about those who belonged to the upper strata of society. Researching the daily life of the ambassadors at the imperial court, on the basis of their correspondence with the Secretary of State, enriches our knowledge not only about foreign diplomats who worked in Russia, but also about the life and practices at the court of Empress Anna Ioannovna, and about her reign.

Keywords: British ambassadors, Empress Anna Ioannovna, foreign diplomats, envoy Claudius Rondeau, life and practices at court, ambassadors' living conditions.

* * *

Проблема, к которой автор обращается в данной статье, изучается в рамках двух актуальных и востребованных в последние годы в исторической науке направлений. Прежде всего, речь идет об имагологии, предметом изучения которой являются межкультурные (инокультурные, кросс-культурные) коммуникации между различными странами, а также индивидуумами. Это направление, возникшее на Западе в середине XX в., в отечественной науке заметно активизиро-

валось в последние десятилетия. В нашей стране появились теоретические статьи, а также монографические исследования по данной тематике¹. Важную роль в изучении различных проблем, связанных с имэджинологией/имагологией, играют ежегодные научные семинары в Центре по изучению отечественной культуры Института российской истории РАН. Столь активное обращение к проблемам взаимовосприятия культур различных государств со стороны ученых обусловлено не в последнюю очередь их актуальностью.

Другим, не менее важным и интересным направлением в исторической науке, в рамках которой проводился наш анализ, стала история повседневности². Интерес к повседневности как к предмету научного знания возник во второй половине XX в., хотя и в XIX в. ряд исследователей как в нашей стране, так и за рубежом, обращались к подобной тематике (Н.И. Костомаров, И.Е. Забелин, Э. Фукс, П. Гиро, М. и Ч. Квеннеллы и др.).

Источниками для изучения восприятия «иной»/«чужой» культуры становятся, как правило, описания путешественников (travelogi), дневники, мемуары и служебные записки иностранцев о стране пребывания. Один из интересных и важных источников для исследования взглядов иностранцев на Россию и русских в XVIII в. является дипломатическая переписка британских послов с госсекретарем. К ее анализу автор не раз обращался при изучении деятельности резидентов в петровскую и екатерининскую эпохи³. Предлагаемая статья посвящена анализу повседневной жизни британских дипломатов и восприятия ими российской действительности в правление Анны Иоанновны.

Надо отметить, что функции дипломатов в стране пребывания не ограничивались их сугубо профессиональной деятельностью. Посещение балов, маскарадов в императорском дворце или у иностранных министров, «собрания» дважды в неделю, участие в светской жизни и различных увеселениях при дворе, судя по высказываниям супруги одного из посланников — Джейн Рондо, входило в обязан-

¹ Среди недавно изданных работ, посвященных изучению историко-теоретических проблем компаративистики и имагологии, см. трехтомник под ред. Т.Л. Лабутиной: «Свой»/ «Чужой» в кросс-культурных коммуникациях стран Запада и России. СПб., 2019; «Свой» и «Другие». Взаимодействие и восприятие культур Запада и России. СПб., 2020; «Свой»/ «Другие»/ «Чужие». Из истории взаимодействия и противоборства Запада, Востока и России. СПб., 2021.

² См., например: Людтке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история: Ежегодник: 1998–1999. М., 1999. С. 77–100.

³ Лабутина Т.Л. Британцы в России в XVIII веке. СПб., 2013; Она же. Британские дипломаты и Екатерина II. Диалог и противостояние. СПб., 2019.

ности всех послов⁴. Ее муж Клавдий Рондо⁵ недоумевал, почему двор императрицы Анны Иоанновны тратит огромные средства на проведение балов и маскарадов в то время, когда в российской казне «нет ни гроша» и никому не платят жалованья. «Невзирая, однако, на недостаток в деньгах, — продолжал посланник, — огромные суммы тратятся придворными на великолепные костюмы для маскарада... кроме того, из Варшавы со дня на день ожидается прекрасная труппа актеров, присылаемая королем польским для развлечения Ее Величества, все мысли которой отданы удовольствиям и заботе о том, какими бы богатствами и почестями осыпать графа Бирона»⁶.

Клавдий Рондо не раз описывал празднества, устраиваемые при дворе Анны Иоанновны, всякий раз обращая внимание на их роскошь. 6 декабря 1731 г. он сообщал госсекретарю лорду Гаррингтону о состоявшемся праздновании 30 ноября дня св. Андрея Первозванного, «патрона ордена», учрежденного Петром Великим. «Ко двору съехалось множество знати и дворян, — сообщал дипломат, а затем подробно описал наряды присутствующих. — Все кавалеры ордена... явились в одежде и цветах, ордену присвоенных... верхнее платье их с узкими рукавами сшито из золотой материи; его украшают небольшие отвороты с рядом пуговиц до пояса, и только две складки с боков; жилет серебряной материи, панталоны такой же материи как верхнее платье, чулки белые шелковые, башмаки черного бархата с полосками из серебряной материи. На левой стороне мантии звезда ордена. Мантия у воротника повязана на груди узлом из красивого золотого шнура, висящего спереди до колен, с концами украшенными прекрасными золотыми кистями. На воротник мантии или плаща надета цепь ордена, составленная из русского герба, Андреевского креста, и шифра императрицы. На всех кавалерах были парики в буклях и небольшие шапочки черного бархата с тремя стоячими перьями: двумя белыми и одним красным. В этом наряде они прибыли ко двору поутру и проследовали в церковь с Ее Величеством, после же обедни — имели честь обедать с государыней, на которой верхнее платье было из золотой материи с серебряной

⁴ Письма леди Рондо (жены английского резидента при русском дворе в царствование Анны Иоанновны) // Записки иностранцев о России в XVIII столетии. Т. I. СПб., 1874. С. 34.

⁵ О биографии К. Рондо и его деятельности при дворе Петра II и Анны Иоанновны см.: *Лабутина Т.Л.* Великобритания и Россия на пути к восстановлению дипломатических отношений (1720–1731 гг.) // Новая и новейшая история. 2021. № 4. С. 59–70.

⁶ Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе // Сборник императорского русского исторического общества (далее — СИРИО). Т. 66. СПб., 1889. С. 272–273.

юбкой, мантия — зеленого бархата, как у кавалеров; на голову возложена была корона; весь туалет был изящно украшен бриллиантами и драгоценными камнями. Вечером при дворе дана была итальянская опера»⁷.

Особенно пышно при дворе отмечались даты, связанные с днем рождения государыни. Об одном из таких празднеств Рондо сообщил лорду Гаррингтону 29 января 1732 г.: «... Вчера, в день рождения государыни все представители иностранных государств и знатные особы приглашены были на обед к высочайшему двору. После полудня на льду перед дворцом происходил парад всем находящимся в Санкт-Петербурге войскам и для развлечения Ее Величества, генерал граф Миних с частью этих войск атаковал ретраншементы (фортификационные сооружения. — *Т.Л.*), выстроенные на Неве. Вечером был бал, после которого мы ужинали во дворце»⁸. И в который раз Рондо поражался тому, «до чего доходит роскошь двора в одежде». Он бывал при многих дворах, но никогда не видел «таких ворохов золотого и серебряного галуна, нашитого на платья, такого обилия золотых и серебряных тканей». В следующем месяце должно было состояться торжество по случаю тезоименитства императрицы, а следовательно, «предстоит новое празднество, — сокрушался дипломат, — потому никто не хочет и думать о делах: теперь уже все заняты приготовлением изящных костюмов». Рондо полагал, что такая роскошь не может продолжаться долго, или «она разорит большинство знатных русских фамилий, из которых некоторым приходится продавать поместья, чтобы покупать платья»⁹.

Подготовка к празднествам по случаю именин или коронации императрицы была основательной и, как отмечал Рондо, все были озабочены тем, как бы добыть «блистательные наряды». «Ваше превосходительство едва можете представить себе, — обращался посол к госсекретарю, — до какого безумия русские вельможи доходят в своих нарядах, а это вынуждает и представителей иностранных дворов тянуться за ними, вызывая их на большие расходы... Не явись мы в таком же блеске, как и прочий двор, нас бы осмеяли»¹⁰.

Судя по утверждению Рондо, одежда придворных стоила целое состояние: «платье в 150–200 фунтов здесь никому не кажется необычайным»¹¹. В одной из депеш в Лондон Рондо описывал празднество в честь дня рождения Анны Иоанновны. Посол «имел честь

⁷ СИРИО. Т. 66. С. 402–403.

⁸ Там же. С. 409–410.

⁹ Там же. С. 410.

¹⁰ Там же. С. 540.

¹¹ Там же. С. 548.

обедать во дворце, где было большое собрание русской знати и именитых особ в богатейших нарядах, выписанных из Франции и Германии. Вечером при дворе был бал, затем — роскошная иллюминация и фейерверк на Неве». К слову сказать, фейерверки обходились казне тоже недешево. По подсчетам Рондо, каждый из них стоил не менее ста тысяч крон¹².

На дороговизну нарядов придворных указывал также посол Эд Финч. Чтобы достойно выглядеть, он собирался приобрести к очередному торжеству при дворе шелковый красный жилет к кафтану за 8–11 фунтов и золотой кафтан за 50 дукатов¹³. Однажды Финчу пришлось за четыре недели сменить четыре торжественных наряда. «Надеюсь, — сетовал посол, — что сегодняшний наряд этого рода — последний, и что больше в жизни мне другого заказывать себе не придется»¹⁴.

Не успевало завершиться одно торжество при дворе, замечали послы, как вслед за ним объявлялось следующее. Так, по случаю тезоименитства государыни Рондо был в очередной раз приглашен к обеду во дворец, куда, по его мнению, «опять все явятся в таком же блеске, как и в день рождения царицы»¹⁵.

Не менее роскошные приемы устраивались по случаю других важных событий. Так, в связи с прибытием из Китая 27 апреля 1732 г. послов во дворце состоялась торжественная церемония¹⁶. «...В годовщину коронавания государыни им дана была первая аудиенция, — сообщал Рондо госсекретарю, — причем они приветствовали Ее Величество тремя земными поклонами и только затем передали свои верительные грамоты и произнесли краткую речь». Послов пригласили отобедать при дворе. Обычно, по установленному для торжественных дней порядку, отмечал Рондо, приглашались и другие послы. Однако в этот раз они не удостоились чести обедать с Ее Величеством, как бывало прежде. Послов пригласили в комнату, «где государыня кушала с великой княжной Елизаветой Петровной и молодой принцессой мекленбургской». Рондо подметил, что все русские министры, а также представители иностранных государств и дамы стояли до окончания «высочайшего обеда», и только затем их пригласили в другие апартаменты, где и состоялась их совместная с

¹² Там же. С. 414.

¹³ СИРИО. Т. 85. СПб., 1893. С. 34.

¹⁴ СИРИО. Т. 91. СПб., 1894. С. 269.

¹⁵ СИРИО. Т. 66. С. 549–550.

¹⁶ Подробнее о визите первого китайского посольства в Россию, состоявшемся в правление Анны Иоанновны, см.: *Лабутина Т.Л.* Первый визит китайских послов в Россию в 1732 году (по описаниям британского посла) // *Россия между Западом и Востоком: Традиции и перспективы развития диалога культур.* М., 2021. С. 152–160.

придворными дамами трапеза. «Это нововведение всех нас удивило», признавал Рондо, но послы подчинились, хотя «новый порядок им не совсем по душе»¹⁷. Впрочем, роскошь при церемонии была прежней: «Не думаю, чтобы когда-либо при каком-либо дворе проявлялось более роскоши, чем здесь в этот день: кажется, ничего не было видно, кроме блеска золотых и серебряных материй, собранных со всей Европы, и массы бриллиантов. Вечером при дворе был бал, а на Неве сожжен блистательный фейерверк»¹⁸.

Иногда послу приходилось и самому давать ужин и устраивать бал, на который приглашались все представители иностранных держав, «лица из русской знати», а также проживающие в Петербурге английские купцы¹⁹. Но чаще всего дипломат присутствовал на званных обедах и балах, организованных при дворе по случаю дня рождения, именин либо годовщины коронации императрицы. В депеше Гаррингтону от 29 апреля 1738 г. Рондо описывал день «священного коронования» Анны Иоанновны, отмечаемый «с чрезвычайной торжественностью». «Поутру все представители иностранных государств и русская знать имели честь принести поздравления государыне», — писал Рондо. Затем саксонский посланник Сум передал царице две ленты ордена Белого Орла, привезенные из Дрездена. Императрица немедленно возложила их на сыновей герцога курляндского — принцев Петра и Карла Биронов. По окончании церемонии состоялся парадный обед в большом зале. «Государыня и обе великие княжны (Елизавета Петровна и Анна Леопольдовна. — *Т.Л.*) заняли место под балдахинном трона, — продолжал Рондо, — дипломатический корпус и двор сидели за другим столом в той же комнате. Вечером был бал и прекрасный фейерверк; город был, по обыкновению, иллюминирован. Сегодня вечером мы снова приглашены ко двору на бал и ужин, завтра — на оперное представление»²⁰.

Иногда церемониал празднеств корректировался. Так, в депеше от 3 февраля 1739 г. Рондо сообщал, что в день рождения императрицы все представители иностранных государств и знатные особы «имели честь принести Ее Величеству свои поздравления». Вечером, по обыкновению, состоялся бал и был устроен блестящий фейерверк. Однако в этот раз появилось новшество: дипломаты обедали у вице-канцлера графа Остермана, а не при дворе, как это обычно бывало. «Говорят, — сообщал Рондо, — будто, в ожидании французского посла решено не приглашать более дипломатический корпус

¹⁷ СИРИО. Т. 66. С. 453.

¹⁸ Там же. С. 453.

¹⁹ СИРИО. Т. 80. СПб., 1882. С. 74.

²⁰ Там же. С. 292–293.

по праздникам к обеду во дворец, как водилось до сих пор, и вообще несколько регулировать церемониал. Он, надо сознаться, действительно никогда не был установлен со строгостью, свойственной другим дворам»²¹.

С особой пышностью отмечались при дворе победы русского оружия. Рондо был приглашен на такое празднование 10 сентября 1739 г. по случаю победы над турками, когда состоялся «блистательный бал»²².

Празднества при дворе Анны Иоанновны не менее обстоятельно описывала и супруга Рондо — Джейн²³. Одно из таких торжеств состоялось по случаю годовщины вступления императрицы на престол. «В этот день, — сообщала леди Рондо, — было очень холодно, но печки достаточно поддерживали тепло. Зала была украшена померанцевыми и миртовыми деревьями в полном цвету. Деревья, расставленные шпалерами, образовали с каждой стороны аллею, между тем как среди залы оставалось довольно пространства для танцев. ... Красота, благоухание и тепло в этой своего рода роще — тогда как из окон были видны только лед и снег — казались чем-то волшебным... В смежных комнатах гостям подавали чай, кофе и разные прохладительные напитки; в зале гремела музыка, и происходили танцы; аллеи были наполнены изящными кавалерами и очаровательными дамами в праздничных платьях. ... Все это заставляло меня думать, что я нахожусь в стране фей, и в моих мыслях, в течение целого вечера, был “Сон в летнюю ночь” Шекспира», — заключала Рондо²⁴.

Не менее восхитительным показался англичанке бал в Летнем саду по случаю взятия Данцига в 1733 г. «Тогда было очень жарко, — вспоминала леди Рондо, — вследствие чего и празднество происходило в Летнем саду. На дамах были корсажи из белой ткани с серебряными цветами и вышитые юбки разных цветов». Их прически были завиты в большие локоны и убраны гирляндами цветов. Императрица с ближайшими родственниками обедала в гроте, напротив аллеи, в конце которой бил фонтан. Обеденный стол, над которым был устроен шатер из зеленой шелковой материи, занимал всю длину аллеи. Вдоль стола размещались буфеты, уставленные столовой посудой и фарфором. Англичанка подметила, что «дамы доставались кавалерам по жребию, и каждый из них сидел рядом со своей дамой». Леди Рондо насчитала триста персон приглашенных. Ее воображе-

²¹ СИРИО. Т. 80. С. 426–427.

²² Там же. С. 532.

²³ Подробнее о Джейн Рондо см.: *Лабутина Т.Л.* Леди Рондо при дворе Анны Иоанновны // *Лабутина Т.Л.* Британцы в России в XVIII веке. СПб., 2013. С. 287–309.

²⁴ Письма леди Рондо... С. 67–68.

ние поразило изобилие подаваемых блюд: «для каждой перемены требовалось шестьсот блюд, а перемен было две и потом десерт». После обеда, продолжала англичанка, «общество разделилось на группы и забавлялось в саду до вечерней прохлады». Вечером сад «иллюминировали очень красиво», и начался бал²⁵.

Леди Рондо довелось стать свидетельницей бракосочетания племянницы императрицы, Анны Леопольдовны, и принца брауншвейгского Антона, которое состоялось 3 июля 1739 г.²⁶ Англичанка довольно подробно описала церемонию бракосочетания: «Принц без особой пышности первым приехал в церковь со своим двором. Затем показались кареты особ, занимающих государственные должности, а равно и дворянства. Экипажи их были чрезвычайно великолепны; каждый имел по десять лакеев, шедших впереди ... кареты, а некоторые, кроме того, по два скорохода и по несколько ряженных, напоказ публике». Особый выезд представляла собой свита Бирона. Сам он ехал в «чрезвычайно великолепной карете», предшествуемый 24 слугами, 8 скороходами, 4 гайдуками, 4 пажам. Затем показалась карета императрицы с невестой, которую сопровождала свита, представлявшая собой «как бы особый поезд», из 48 слуг, 12 скороходов, 24 пажей с их наставником на коне; камергеров, конных лакеев в ливреях. Замыкали шествие дворяне верхом. Англичанку потрясли «роскошь и великолепие карет и ливрей»²⁷.

Леди Рондо чисто по-женски оценила наряды царствующих особ. Она отметила платье невесты с корсажем из серебряной ткани, который был весь покрыт бриллиантами. Завитые волосы Анны Леопольдовны были разделены на четыре косы, перевитые бриллиантами, а на голове поместили маленькую бриллиантовую корону; кроме того, «множество бриллиантов было укреплено в ее черных волосах, что придавало ей еще более блеску». Императрица также блистала во всем своем великолепии. На ней было платье «с темным корсажем, затканное золотом... чрезвычайно богатое»²⁸. Из драгоценностей на императрице был только жемчуг. Принцесса Елизавета Петровна была одета в розовое платье, расшитое серебром и украшенное драгоценными камнями. На герцогине курляндской, супруге Бирона, было белое платье, расшитое золотом и украшенное рубинами.

²⁵ Письма леди Рондо... С. 73–74.

²⁶ В примечаниях к письмам леди Рондо исследователь Ю. Толстой отмечал, что принцессе желал выдать за своего сына Бирон, однако племянница Анны Иоанновны ему отказала. В результате «надежды Бирона на доставление своему потомству русского престола не осуществились» (Письма леди Рондо... Примеч. С. 209).

²⁷ Письма леди Рондо... С. 142, 143, 145.

²⁸ Там же. С. 144–145.

Торжество по случаю бракосочетания завершилось праздничным обедом, во время которого императрица восседала за особым столом, рядом с ней расположились только молодожены и принцесса Елизавета Петровна. Поскольку процессия началась в 9 часов утра, то ко времени обеда в 8 часов вечера все чрезвычайно утомились. Поэтому был объявлен перерыв, чтобы участники торжества могли вернуться домой и немного отдохнуть. Однако уже в 10 часов вечера все снова прибыли во дворец, где начался бал, продолжавшийся до полуночи. «Ужин был блестящий, — свидетельствовала леди Рондо, — и в зале придумали устроить фонтан, бивший все время, как настоящий»²⁹.

Помимо балов и маскарадов, при дворе императрицы устраивались и другие развлечения, в которых послы должны были принимать участие. Леди Рондо рассказала об одном из них — зимнем: «Из досок устроили скат, который шел наклонно из первого этажа дворца во двор; по ширине он годился для проезда кареты... На этот скат лили воду ... пока лед не сделался достаточно толстым. Придворные дамы и кавалеры садились в сани и спускались вниз. Движение при этом было так быстро, что его можно сравнить только с полетом птицы». Англичанка отмечала, что все, кто оказывался при дворе, должен был испытать такое катанье, сама же она опасалась, как бы ее не заставили «скатиться по этой опасной машине». «Я некоторое время рассчитывала, что кто-нибудь сломает себе руку или ногу и тем положит конец этой забаве», — заключала Джейн³⁰.

Не менее опасным английчанке представлялось и другое развлечение при дворе Анны Иоанновны: стрельба в цель и на лету. От участия в подобном «увеселении» леди Рондо избавиться не смогла, и однажды ей даже удалось попасть в цель, хотя она была так напугана, что «ничего не видела»³¹. Тот факт, что сама императрица отличалась пристрастием к охоте и стрельбе из ружья, подтверждали и другие источники. В стрельбе Анна Иоанновна приобрела такую сноровку, что без промаха попадала в цель и на лету убивала птиц. Об этом сообщалось в примечаниях к «Письмам» леди Рондо: «Во внутренних покоях ее (императрицы) стояли всегда заряженные ружья, и она стреляла из них через окна в мимо летевших ласточек, воробьев, галок и т.п. В галерее дворца находился большой тир, где назначалась иногда призовая стрельба, в которой должны были обязательно принимать участие все придворные, не исключая и дам»³².

²⁹ Письма леди Рондо... С. 146–147.

³⁰ Там же. С. 104, 105.

³¹ Там же. С. 124–125.

³² Там же. Примеч. С. 203–204.

Повествуя о своей жизни при дворе императрицы, дипломаты сетовали не только на траты на дорогие наряды, в которых должны были являться во дворец, но и на дороговизну проживания в столице. По этой причине послы нередко были вынуждены обращаться за материальной помощью к своему руководству. Так, 15 ноября 1731 г. Рондо просил госсекретаря «исходатайствовать у Его Величества какую-либо сумму на покрытие издержек по обзаведению», которое обошлось ему очень дорого. «Здесь все вещи вдвое дороже, чем в Англии, — сетовал дипломат, — и в то же время нет двора, требующего от представителей иностранной державы больших издержек, чем русский двор, который сам держится с чрезвычайным великолепием и любит, чтобы все окружающие следовали его примеру»³³. Рондо жаловался также на дороговизну аренды дома, который занимал. «Так как дома здесь очень дороги, — извещал он Гаррингтона, — мне приходилось платить 400 рублей в год, что составляет около тысячи фунтов»³⁴. Чрезмерно обременительным дипломату представлялся переезд из Москвы в Петербург, куда он должен был следовать за двором императрицы. «Почтительнейше прошу, ваше превосходительство, — обращался Рондо к госсекретарю, — не откажитесь доложить Его Величеству: не пожалует ли он мне сколько-нибудь на эту поездку? Пересылка всех предметов домашнего хозяйства (неизбежная в этом крае, иначе можно остаться без всего необходимого) и перевозка семьи приблизительно за 600 миль сухим путем обойдется мне очень дорого»³⁵.

Правительство Великобритании не поскупилось на оказание финансовой помощи посланнику. В ответ на просьбу Рондо госсекретарь отвечал: «Королю угодно было назначить вам 300 фунтов на обзаведение ваше, как резидента. С удовольствием доложу и о прочих ваших желаниях: вам даны будут средства на покрытие почтовых и других необычайных расходов. ...Если вы доставите мне умеренный счет расходам, вызванным, по вашим словам, поездкой вашей из Москвы в Петербург, я представлю его на усмотрение и утверждение его величества»³⁶.

Надо признать, что, несмотря на жалобы по поводу дороговизны жизни в российской столице, Рондо, вероятно, получал приличное жалованье, если сумел еще приобрести неподалеку от Петербурга «сельский домик». В одной из депеш Гаррингтону он сообщал, что летом многие дипломаты нанимали «дачи» в окрестностях Петер-

³³ СИРИО. Т. 66. С. 393.

³⁴ Там же. С. 436.

³⁵ Там же. С. 404.

³⁶ Там же. С. 415–416.

гофа, чтобы быть поближе к Летнему дворцу императрицы. «Мне пришлось сделать то же, — сообщал Рондо. — Я занял дом милях в двух от Петергофа, так что могу, являясь к государыне, возвращаться домой в тот же день»³⁷.

О том, что представлял собой этот дом, рассказала леди Рондо. Деревянный дом состоял из маленького зала с двумя приемными с одной стороны, кухней со службами с другой, а также четырех спален и кабинета на втором этаже. Джейн была очарована расположением дома, находившегося на возвышении, «со спуском, покрытым травой и примыкающим к прекрасному лугу, омываемому морем». «Здесь не видно ни искусства, ни отделки, потому что суровость климата сделала бы смешными какие-либо затраты на это, — продолжала описывать свое жилище леди Рондо. — Насколько просты окрестности дома, настолько незатейлива и его внутренность: посуда фаянсовая, убранство постелей из белого коленкора, стулья русского изделия; с этим сообразно и все остальное. Передняя наша наполнена книгами и ланд картами, которые вместе с моими пальцами составляют единственное отличие нашего дома от фермы. Мы здесь проводим три дня в неделю. К. Рондо читает вслух в то время, когда я занимаюсь рукодельем; наши коровы, бараны и домашние птицы приручены до такой степени, что пасутся под нашими окнами». В этом доме супруги чувствовали себя свободными «от стеснений», сопровождавших их пребывание в обществе и при дворе, и были к тому же избавлены от посещения гостей. Лишь изредка их навещало «одно английское семейство», состоявшее из двух братьев, с которыми Рондо «дружески сошелся». На взгляд Джейн, их умная беседа «была бы находкой даже в Англии»³⁸.

В одном из писем к приятельнице в Англию леди Рондо описала также свою жизнь в Москве. «Я сделалась совсем простолюдинкой и встаю в шесть часов утра, — рассказывала она, — осмотрев все кругом и отдав приказания прислуге, я завтракаю около восьми часов; после того занимаюсь час с учителем французского языка и затем ухожу в свою комнату, где читаю или работаю до полудня; потом одеваюсь, чтобы обедать в час; после обеда мы (с супругом. — *Т.Л.*) болтаем немного, а встав из-за стола, я снова удаляюсь к себе, чтобы заняться какой-нибудь работой или чтением до шести часов, когда мы отправляемся в экипаже или пешком прогуляться и подышать воздухом до восьми часов; затем мы ужинаем и в десять часов ложимся спать. Таково почти постоянное препровождение дня...»³⁹. Из данного письма

³⁷ Там же. С. 485.

³⁸ Письма леди Рондо. С. 68–69.

³⁹ Там же. С. 25–26.

леди Рондо можно составить представление и о жизни ее супруга в Москве, когда посол был свободен от визитов ко двору.

Как бы то ни было, судя по информации дипломатов, их жизнь при дворе оставалась вполне удовлетворительной. Впрочем, порой послы жаловались на отдельные неудобства: плохие дороги, безобразную работу почты, морозы⁴⁰. Не исключено, что суровый климат России, действительно, мог повлиять на состояние их здоровья, о чем они не раз упоминали в своих депешах в Лондон⁴¹. Возможно, что именно тяжелые погодные условия в Петербурге ускорили кончину двух из них — Т. Уорда и К. Рондо.

Анализируя переписку дипломатов с госсекретарем, мы обратили внимание на то, что послы практически не касались тем, связанных с жизнью простого народа, его обычаев и обрядов. Лишь единственное упоминание об одном из праздников русского народа — Богоявлении — встречается у К. Рондо. «Сегодня, по случаю праздника Богоявления, гвардия и некоторые другие полки (всего около 5000 человек) собраны были на Неве, — писал дипломат в Лондон 6 января 1733 г. — Ее Величество смотрела на торжество из дворцового окна. Когда церемония окончилась, к священнику подносили маленьких детей, и он погружал их в воду. С этой целью вырублена была во льду большая прорубь... Говорят, что священники — потому ли, что бывали в нетрезвом виде или случайно — топили детей, упуская их из рук под лед. Многие мужчины и женщины тоже бросались в воду, в убеждении, что тем смоят все свои прегрешения. Толпа разносила освященную воду по домам»⁴².

Джейн Рондо уделила описанию обычаев русских людей больше внимания. Так, она проявила живой интерес к православной религии: «О религии русских я могу ответить весьма немного, так как очень мало говорю на местном языке. Религия здесь, как кажется, состоит из внешних обрядов и из множества суеверий»⁴³. Как-то леди Рондо с супругом посетила один из монастырей, где их любезно принял настоятель, предложивший гостям кофе, чай и сладости. «Под конец ему пришла охота... угостить нас по обычаю своей страны; он приготовил нам стол, уставленный всякого рода горохом, бобами, репой, морковью и т.д., все это было в сыром виде, — а также медом, крепким пивом и водкой. Настоятель скоро сделался очень весел, и, казалось, был вообще в отличном расположении духа; таким образом, мы провели там наше послеобеденное время очень приятно»⁴⁴.

⁴⁰ СИРИО. Т. 80. С. 431; СИРИО. Т. 66. С. 118.

⁴¹ СИРИО. Т. 91. СПб., 1894. С. 215, 275, 286.

⁴² СИРИО. Т. 66. С. 543.

⁴³ Письма леди Рондо... С. 12–13.

⁴⁴ Там же. С. 26–27.

В письмах леди Рондо содержались также описания крестин, свадеб и похорон, свидетельницей которых она стала. Англичанка рассказывала, как происходили крестины⁴⁵. Она побывала также на свадьбе одной из своих служанок. Джейн отмечала, что хотя предложение было сделано родителям девушки, но «для вида» пришли просить ее согласия. Получив его, жених прислал невесте подарок, состоявший из гребенки, румян и нескольких мушек. И это было первое знакомство жениха с невестой. Молодые обменялись кольцами и дали обещание вступить в брак, после чего назначили день свадьбы через неделю. «С этого времени до дня свадьбы, — повествовала Рондо, — подружки невесты приходили по очереди проводить с нею день и ночь, оплакивая в непрерывных песнях предстоящую им разлуку. Когда настал день свадьбы, они для виду простились с невестой, проливая много слез, а родители жениха пришли за нею и ее приданым, которое состояло из постели, одеяла, стола и изображения святого, ее покровителя»⁴⁶. Сравнивая описание церемонии бракосочетания, представленной Рондо, с тем, который давал, к примеру, П.Г. Брюс⁴⁷, можно утверждать, что внесенные в процедуру бракосочетания изменения, произошедшие в петровскую эпоху, возымели свое действие. И теперь уже молодые люди могли делать свой выбор самостоятельно, не связывая себя волей родителей, а также видеться до свадьбы, чего не было до петровских реформ.

Письма леди Рондо носили в большей степени описательный, а не аналитический характер, что, впрочем, было естественно для дамы света. Тем не менее, наблюдательность и острый ум англичанки позволили ей высказывать отдельные замечания по вопросам, далеким от чисто женских интересов. Прожив около десяти лет в России, Джейн Рондо не могла не составить своего представления о русском народе. Однако в этом вопросе она весьма лапидарна. Ее впечатления касаются по большей мере описания внешнего вида русских людей. «Всё, что я могу сказать о народе, это то, что он крепко сложен, среднего роста и несколько красивее, чем в других странах; но я нахожу, что у русских вообще мало выражения в лице», — отмечала Рондо в одном из первых своих писем в Англию. Во время переезда из Москвы в Петербург, останавливаясь на постоялых дворах, для «перемены лошадей», англичанка сталкивалась с простыми людьми, о которых она составила следующее представление: «Здесьшний народ

⁴⁵ Там же. С. 12.

⁴⁶ Там же. С. 12–14.

⁴⁷ Брюс П.Г. Мемуары // Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С. 215.

чрезвычайно вежлив, по своему понятию, но в нем человеческая природа слишком унижена, и эти несчастные создания так жалки, что кажется, имеют только человеческое подобие»⁴⁸. Как видно, встречи аристократки с простолюдинами в России носили эпизодический характер, что и не позволило ей составить более полное представление о русском народе.

Что касается английских послов, то в оценках русских привилегированных сословий у большинства их сквозила неприкрытая недоброжелательность. Клавдий Рондо возмущался «произволом и варварством», господствующими при дворе, и опасался, что, если его депеши случайно попадут в руки российских министров, то он подвергнется большой опасности⁴⁹. Эд. Финч уже после кончины Анны Иоанновны в депеше госсекретарю давал нелицеприятные оценки русского дворянства и духовенства. Большинство дворян, посещавших двор, на его взгляд, «в душе держатся старорусских взглядов точно так же, как и дворяне, проживающие в своих поместьях». Еще худших оценок, по мнению Финча, заслуживают те из них, которые, «возвращаясь на родину после странствий за границей, возвращаются одновременно и к русским привычкам». «Невзирая на все старания, приложенные за последние 40 лет, дабы вывести Россию из прежнего строя, — продолжал дипломат, — только насилие и высшая власть удерживают ее от возвращения к старине, и она раньше или позже, а когда-нибудь возвратится вспять: нет русского, который бы не желал Петербургу провалиться на дно морское, и не посылать все новоприобретенные провинции к черту, дабы возвратиться в Москву, в соседство своих поместий, где можно жить и роскошнее, и дешевле. Кроме того, русские дворяне уверены, что России лучше было бы вообще не путаться в европейские дела, как она прежде не путалась в них, и ограничиться защитой “собственной старой земли” (так они выражаются)»⁵⁰.

Финч обращал внимание на то, что дворяне по большей части «очень враждебно относятся к иностранцам, состоящим в русской службе». Хотя они и сознают пользу, приносимую иностранцами в военное время, но желали бы устранить их немедленно после заключения мира. Между тем, полагал Финч, «плоды дурного обращения с иностранцами в морской службе ... отразились на состоянии русского флота, к которому всякий русский относится с смертельной враждой и с таким отвращением, что готов скорее на всю жизнь

⁴⁸ Письма леди Рондо... С. 6–7.

⁴⁹ СИРИО. Т. 80. С. 104.

⁵⁰ СИРИО. Т. 91. С. 107–108.

поселиться в отдаленнейших местностях Сибири, чем прослужить одну кампанию на лучшем из русских судов»⁵¹.

Также негативно отзывался Финч о духовенстве, считая его «невежественным и полным ханжества»⁵². Да и в целом, британский посол усматривал в российском государстве «только грубую модель чего-то, что предполагается усовершенствовать со временем», невзирая на все старания, употребленные «на приведение России в настоящее положение, которое так близко связало ее с остальной Европой и придало ей такой вес в европейских делах»⁵³.

Если же говорить о восприятии британцами внешних атрибутов — описания природы или архитектуры и убранства дворца, то здесь они чаще всего были объективны. Лорд Форбс не скрывал своего восхищения русской столицей, которую он называл одним из лучших городов Европы. Это восхищение, по-видимому, произвело «сильное впечатление на умную и любознательную королеву Каролину (супругу царствующего монарха в Великобритании Георга II. — Т.Л.), пожелавшую увидеть Петербург»⁵⁴.

Описывая Петербург, Джейн Рондо отметила, что город «живописно расположен на прекрасной реке», дома и улицы в нем «очень хороши, однако мало обитаемы». Зимний дворец ей показался некрасивым. Во дворце много «маленьких комнат, дурно расположенных, и нет ничего замечательного в отношении архитектуры, живописи или мебелировки». Не лучшее впечатление произвел на англичанку и Летний дворец: он «еще меньше и во всех отношениях плох»⁵⁵.

Примечательно, что описания Москвы Джейн Рондо, в отличие от большинства путешественников, не оставила, зато отметила приглянувшиеся ей окрестности города, которые показались «прекрасными»: «леса, вода и засеянные поля составляют красивый пейзаж». Поблизости от Москвы она заметила множество монастырей, которые не произвели на нее большого впечатления: «они очень древни, но не имеют ничего красивого». В то же время англичанка подметила, что колокольни и главы некоторых церквей позолочены. Джейн предположила, что подобное убранство должно стоить очень дорого и что в монастырях, возможно, находятся «большие богатства».

Итак, как можно убедиться, жизнь при дворе императрицы Анны Иоанновны воспринималась британскими дипломатами весьма критически. Послы возмущались дороговизной жизни в столице,

⁵¹ Там же. С. 108.

⁵² Там же.

⁵³ СИРИО. Т. 91. С. 111.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Письма леди Рондо... С. 2–3.

а также тем, что приходилось тратить значительные средства на наряды, необходимые для участия в многочисленных церемониях и празднествах при дворе. Их оценки русского народа, прежде всего высших слоев, с которыми им приходилось сталкиваться, отличались недоброжелательностью. Исключение составляли леди Рондо и лорд Форбс, которые отзывались о русских людях с большей долей симпатии. Что касается описания времяпрепровождения при дворе, то здесь дипломаты были более объективными, что не вызывало удивления, поскольку подобная информация собиралась ими по заданию своего правительства. Ведь именно на балах и других празднествах для послов появлялась возможность близко пообщаться с ближайшим окружением императрицы, узнать от придворных и фаворитов ценную информацию, служившую важным источником для их разведывательной деятельности, которую дипломаты прекрасно совмещали со своими профессиональными обязанностями. Как бы то ни было, но обращение к истории жизни послов при императорском дворе, отразившейся в их переписке с госсекретарем, обогащает представления наших современников не только об иностранных дипломатах, работавших в России, но также о быте и нравах, царивших при дворе, а значит, и об эпохе правления императрицы Анны Иоанновны в целом.

References

Labutina T.L. *Britanskiye diplomaty i Yekaterina II. Dialog i protivostoyaniye* [British Diplomats and Catherine II. Dialogue and Confrontation]. Saint Petersburg: Aleteia, 2019. 458 p.

Labutina T.L. *Britantsy v Rossii v XVIII veke* [The British in Russia in the Eighteenth Century]. Saint Petersburg: Aleteia, 2013. 350 p.

Labutina T.L. *Pervyy vizit kitayskikh poslov v Rossiyu v 1732 godu (po opisaniyam britanskogo posla)* [The First Visit of Chinese Ambassadors to Russia in 1732 (According to the Descriptions of the British Ambassador)] // *Rossiya mezhdz Zapadom i Vostokom: traditsii i perspektivy razvitiya dialoga kul'tur* [Russia between East and West: Traditions and Prospects for the Development of a Dialogue of Cultures]. Moscow: Institut vseobshchey istorii RAN, 2021. P. 152–160.

Labutina T.L. *Velikobritaniya i Rossiya na puti k vosstanovleniyu diplomaticheskikh otnosheniy (1720–1731 gg.)* [Great Britain and Russia on the Way to the Restoration of Diplomatic Relations (1720–1731)] // *Novaya i noveyshaya istoriya*. 2021. N 4. P. 59–70.

Lüdtke A. *Chto takoye istoriya povsednevnosti? Eeye dostizheniya i perspektivy v Germanii* [What is the History of Everyday Life? Its Achievements and Prospects in Germany] // *Sotsial'naya istoriya. Yezhegodnik: 1998–1999* [Social History. Yearbook: 1998–1999]. Moscow: ROSSPEN, 1999. P. 77–100.

Поступила в редакцию
1 марта 2022 г.